

№ 19—1928

Цена 10 коп.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

ОТДЫХ МОЛОДЕНЦ

На ходулях в Московском парке культуры и отдыха.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 19

★ ★ ★

О К Т Я Б Р Ь

★ ★ ★

1928

СХОД В ДЕРЕВНЕ ЕРШОВЕ

Рассказ ИВАНА ЕВДОКИМОВА. Иллюстрации Н. Денисовского

Молодой читатель, выросший в послереволюционное время, плохо знает былые порядки. В помещаемом рассказе изображаются деревня в годы империалистической войны под властью предвзятостей царского режима.

НА ВТОРОМ году войны, в Троицу, после обеда в Ершове был объявлен сход. Собирали на него рыбаков всех ближайших деревень. За неделю до того, на вечеру, урядник Афанасий Александрович прискакал со стражниками к озеру и застал там рыбаков, деливших между собой моль.

— А, бабий дуван! — гаркнула Афанасий Александрович. — С мужиками управимся, с вами и подавно управимся. Кто старшина?

Бабы, подростки и старики, составлявшие дуван, молчали.

— У вас я спрашиваю, али нет? — ярился урядник. — Дуван без старшины не бывает. Укрывательство? Вы не знаете, не знаете, что на десять лет вам не приказано переездить в озеро моль! А! Самоуправствовать! Мало вашего брата я учил уму-разуму. Мало я вас сажал! Управы, думаете, на вас нет? Не там мы заняты! Устроилому законы нарушать! Самоуправствовать!

Афанасий Александрович, чем дольше и упорнее молчали ловцы, тем больше негодовал и страдал:

— Взять невод! — приказал он стражникам.

Но тогда в свою очередь с волею бабы ухватились за невод, обменяли стражников, стащили их с лошадей, стащили урядника — и обезоружили.

— В-о-да на-а-ша, а рыба ва-а-аша! — вскрикнула первая Енька. — Нам с голоду лягушек есть? Мужей у нас убивать на войне, а детей ихних нам с голоду морить? Так, говоришь?

Бабы наступали:

— Мы живем, вставши, да за вытье, а у нас последнюю кроху из роту тапнут!

— Что вы, нехристы, не знаете, не видите, каково нам, сиротам, достается!

— Земли у нас — пегуха на канате держи, чтоб на чужую землю не ходил!

— Лесу — такая колма — парня нечем вычесь!

— Деревня того больше — четыре двора, восемь улиц!

— Вмести хлеба песок на камне у нас всходит!

— Житые, житые — цоготые да боотые! Нас и совсем за-колотить хотят!

— Отправляйтесь, покада самих в озеро не стащили!

Бабий гнев был так неукротимо настоящию, что пришлось уступить. Покада урядник, стараясь быть миролюбивым, препирался с бабами, Платон Кутыков с Терехиним унесли невод в деревню, а другие мужики унесли рыбу.

Притыканный урядник хотел скрыть неудачу, но бабы праздновали победу и распространялись о ней. Становой Алексей Васильевич Тузов в ярости вылезал урядника в стан.

— Болван! Дурак! Губошлеп! — неистовствовал становой, с отвращением и злобой глядя, как трясется от страха и обиды губы Афанасия Александровича. — У меня столи распир-раст от протоколов и следствий. Народ волнует. Заозерье с ума сходит. Вы с бабами не в состоянии рассчитать как следует. Да понято ли тебе, старый каверзник, что это значат? Я, становой, по наслышке узнаю, что дурака Бараса одолели бабы. Одолели со стражниками! Одолели вооружен-ных! Это немислюмо! Это позор на нашу голову! Над нами

сменяются, зубоскалят. Я за вас перед исправником красней, поей и той осоло! Да, осоло! Как ты осмелился не донести мне о проступках?

Алексей Васильевич в таком бешенстве ходил по канцелярии, так был красен и страшен, что Афанасий Александрович почувствовал свою жестокою и неоправданную вину перед всем опозоренным полицейским станом. Он в раскаты, слышим просиявшим голосом, с обещанием исправиться и больше никогда не уронить достоинства вверенной ему округи, пролепетал:

— Затмение. Алексей Васильевич, прямо затмение нашло.

— Что-о? Какое затмение? — с визгом прокричал становой. — У нас не должно быть никаких затмений. Если я Алексей Васильевич Тузов сказал: урядник Барас — портянка, значит, он — портянка. Если бы не было сказано, что он портянка, он не был бы портянкой. Ты зарвавший человек. Ты не годишься. Ты не знаешь своих обязанностей. Ты забыл свой долг, облеялся, избаловался. За что носишь на груди медаль с священным изображением августейшего? За усердие. Где твоё усердие и изобретение?

Накричавшись и покучкавшись над Афанасием Александровичем, принимаясь его разностить снова и снова, Алексей Васильевич распорядился о созыве схода на Троицу.

Афанасий Александрович радостно кинулся на Моль, — и за три дня до Троицы десятские и сотские начали сбивать сход.

Старшина Антип Иванович с писарем и сельским старостой явился на сход пораньше, чтобы подготовить к приходу становой народ и научить его необходимости покоротости. Урядник Афанасий Александрович дождался становой на дороге за Кобылемым.

— Ой, баба, беда с вами, — с сожалением и страхом говоривал Антип Иванович без умолку кричавших и ругавшихся баб, — я-то все знаю, мне-то и говорить нечего. Плевое все это дело, а разудали его будто воздушный шар. Все небо застил. Неведомо кому моля жалко, а когда запрещено — и не надо бы. Казенное добро страхом оговорено. Закон, что паутинка: шмель проскочит, а муха уязвет. Большую рыбу лови, а моль не тронь. Когда же большую рыбу выловить, некому будет рыбу метать, неутюга и молью взяться. Распоряжение и не совсем правильное, а что же тут станешь делать. Ежеми мы с начальством татареваем, — и власти не станет. А без власти да без подчинения начальство недалеко и до столпотворения. Дай нам волю — все, ведь мы по пояс люди — друг у дружки голоду отедем.

— Всякая сосна своему бору шумит! — вставала Енька несмешливо.

— Ты, Антина Иванович, — сказала Платон Кутыков, — мужик свой. Не даром мы тебя в старшину поставили, из уважения, а что-то неладное внушается. И за мир не стоишь. Ты бы им, этим доезжачим, растолковал — народ-де по будням застаскан, силы нет, а брохо большое, корчиться хочет. И не делали бы по худу, а по хорошу нельзя. Ты же затеял одно да одно. Так нам не по нутру. Онутры же от

той жакки. Ты ж, Антия Иванович, знаешь мужикий вред — ло самый рот. Куда не шагнул, везде с ручками скрывает. Горе наше неизбывное, а приживное. Повсюдное разоренье!

Сход закричал на разные голоса:

— Кору гаожем!

— Ни работника, ни лошади!

— Медведь из запаса аласует, а у нас косать нечего!

— Бабы надрыаються!

— Старики мрут. Кроха и Андрейя на одной неделе кончилися!

— Сыт крупицей, пьян водичей!

— У одного ничего, у другого совсем чисто!

— Не хлещи кобылы и лгать не станей!

— С потлаженныа сит не будешь! Голодомому мужику еда сама в рот лезет. Озеро ровно сход с австами, а с голодухи потнищешь, тебя по рукам.

— Куда ес там на развод? Для кого? Не знаем — доживем ли до завтра, а заставляют потистись. Правда у начальства прежде нас померла.

— Мир с ума сойдет, на цепь его не посадишь. Сами и доводите до этого.

— Мужика ровно корову на двое разрубил: зад доят, а перед по шаш зарят.

Терехин с Кутыковым наперебой кричали Антипе Ивановичу под бабий гуд и шум.

— Ласточка и та тебе в рот накладет, ежели глаза на небо выплущи. Какое имеет кто право нам запрет делать ловить в озере? И много ли мы выловили! Только чтобы рот заткнуть, да ноги не вытянуть. Во всем Заозерье мужиков и на разводку не осталось. Одной рыбиной напнитъ всех можно. Озеро засегда наш кормилец. Мы его в наследство от стариков получили. Воды в нем меньше, чем слез наших да поту. А тут раздел. Не трожь, да и конец.

... Сход так завопил, что Антип Иванович растерянно и боязливо поглядывал на дорогу, откуда должен был приехать становой. Он долго не мог перекричать стеснявших его баб и стариков.

— Не улаживай, не улаживай! — вопила Настасья. — И становому оглобли завернем! Мужиков нам подавайте.

— У нас на сердце ненастье, так нам и вѣдро дождь. Худое видели, хорошего не увидим ни от кого, как только от себя.

— Не подлаивай, мужики, ушесивателям!

Антип Ивановичу красивый, сбитый и разгневанный, едва лопутился выкрики, сказал:

— Неадало, неадало, мужики и бабы, гадите! Только на горшю беду наприпаваетесь. Война за правое дело против немя. Не нам говорить. Нам не под силу понимать. Под своим царем ежели жить, воевать требуют. Наприпаса на всех недолог сплести. И Дума за войну держится. А там свои мужики не последняя спица в колеснице. Они б живо голос подали.

Сход снова неударжно замуел.

Бабам не стояло на месте. Они шмыгали одна к другой, беспрерывно говорили, шептались, смеялись. В перекорах со старшиной мужики плотной и тесной группой окружили его, не выпуская, размахивали руками и старались не проронить каждое его слово.

— Гонит! — выдур сразу зазвенела все вместе бабей голоса.

Алексей Васильевич в сопровождении пятерых стражников и Афанасия Александровича под'ехал к сходу. Старшина расторопно стащил картуз и ловко и угодливо подскочил к трантасу. Афанасий Александрович неселе — куда-то отделился от народа вдоль улицы. Лицо у него было скупочно-виновное и смущенное. Сход переглянулся со становым. Малость

все помолчали. Потом бабы глядя на становой, начали подыкать друг друга, тихонько переговаривались. Мужики, насупившись, ждали:

— Все тут? — выприямился Алексей Васильевич.

— Все, — безнадёжно пробурчал Платон Кутыков, — никого в деревнях не осталось. Залежалого нет.

— Не переходить с места на место! — повелительно повысил голос становой и затем в растяжку, раздельно произнес:

— Сту-ша-а-ть. ни-ма-те-ль-но и глав-но-е не за-бы-вать!

— Строго начинает, — вернула Ешка.

— А? — гаркнул недовольно Алексей Васильевич. — Молчать! Отвечать когда вас спрашивают. Не перебивать! Без всякой поблажки смутянов вон со скода — и в холоду! Я не для того приехал, чтобы перепариться и спорить с вами. Только нисходя к нашим доблестным воинам, обороняющим отечество, я разгавариваю с вами. А то следует с вами по другому обращаться. Ваши мужья, братья и сыновья проливают кровь, а вы тут в тылу учиняете безобразия. Вы повторствуете врагу. Вы осмелились переступить и нарушить закон. Меня послали сюда раз'яснить вам! Предупреждаю: угрозами мы заниматься не будем. Кто не остережется после моих слов и позволит себе повторить незаконное деяние, тот помалится по всей строгости законов военного времени. Помните! Наша губерния на военном положении. За всякий поступок азичается вѣдестеро! Сту-ша-а-ть!

— Да слушаем, чего тынешь! — опять в'елась осторожнью Ешка.

— Кто это, что, — вскипел Алексей Васильевич.

Мужики и бабы скупчо опустили глаза и молчали. Антип Иванович на цыпочках отошел от станового, пробрался к бабам и, делая несчастное лицо, трусливо и укоряюще мигая, шопотом просид их не мешать.

— Миглевское озеро — заповедник, — продолжал Алексей Васильевич, — правительство заботится, чтобы в нем было больше рыбы, чтобы хищнически не вылавливались приплод. Вы не понимаете своей пользы. Моль — дешёвая и пустая рыбаешка. Вы можете для своего потребления всегда достать в городе. Но эта дешёвая мелюзга, подрастая, превращается в большую, ценную рыбу. Вы обязаны выклатъ, пока рыба возмужает. Никаких разговоров! Закон не против вас, а за вас! Мы неразумно истребляете моль, а вам это за-пре-ще-но! Доведя об этом до всеобщего сведения, я вам заявляю, что нам, полиция, дан строгий приказ стражнике преследовать всех нарушителей и карать, и карать всеми мерами! А вы, вы что делаете? Вы нападаете при исполнении служебных обязанностей на урядника, на стражников, учиняете насилие! Мы большие того не потерпим! Сдать невода, мережи, ботальни на общественное хранение! Прекратить ловлю! За ослушание — тюрьма! За всякое сопротивление — тоже тюрьма! Мы не посмотрим на вас! Стражники, урядники, всякий полицейский чин, исполняя возложенное на него получение, неприкосновенны! Они будут применять против вас оружие! Преду-преж-да-ю в по-следний раз-а-а! Поняли?

Сход молчал.

— Кто не понял: спрашивайте, — тем же повелительным и строгим голосом воззвал Алексей Васильевич.

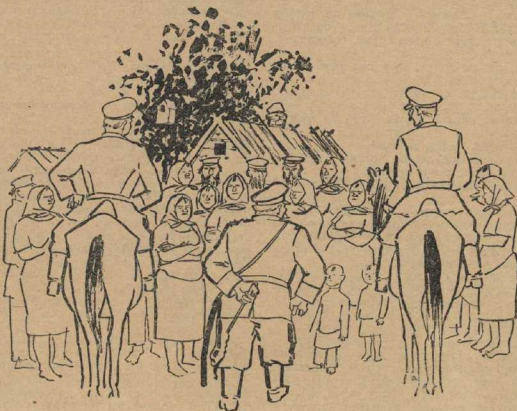
Бабы были загалдены. На них зашикали старшина, писарь, мужики — и те подчинились.

— Ну, что ты хочешь сказать, старик? — покровительственно спросил становой у Платона Кутыкова, — губами пешелишь, а дело не двигается. Говори смело, подходи, выкладывай твои сомнения как на духу.

Платон Кутыков хмуро и строго сказал Алексею Васильевичу, полном снисходительной важности и превосходства над замечавшимся и согласным сходом.

— Ты не поп, на дух тебе каяться, ваше бла-

— Все тут? — выприямился Алексей Васильевич

горделие. Понимать мы все понимаем. Не без понятия и мы темные мужики родились. Новенького ты ничего не прибавил. А только вот в чем загвоздка: лада мужиков чепелько, за ушей ему выхлестать, а ты говоришь — на-те ухвертку. А нам, барин, нельзя. Мы промышляем себе на хлеб. Нам от твоего запрещения готовь заранее колоды и могилки копей. Нам, барин, есть нечего. Война нас, равно земляных червяков, на землю положила, мы по ней с бессилья нашего и ползаем. Моль нам — хлебушка-батош-ка. Сигами мы вас, го-спод, ублажаем, а сами пробиваемся суцником, мольком в ушке, и в пирожок та же бросова начинка, только что понахивает рыбой. И вкуснее и будто два

гла сразу: хлеб да рыба. Человек не грибок в день не вырастет, и от привычки его хлебушком да рыбой питаться никакими страстями не отучишь. Мы, барин, озерные! Ровно бы и хозяйча озеру!

Сход вдруг перестал слушать, молчать. И как не кричали на него становой, урядник, старшина, как не грозили нагайками стражники, повертывавшиеся на лошадах и толкавшие лошадиными мордами толпу, въезжая в нее, он не унимался.

— Нас измором берут!
— Уставили там с сыта пост нам!
— Уставили какие! Надумали думать, не спросившись! Рыбу посчитали в озере. Моль-де голову большую имеет. Да не лови моля мы — столь расплодился рыбы, задыхаться в воде, питаться ей немем станет. Моль так молем и живет.

— В моле окуна да шуйки в невпоротную. Да ерш. Оставь их без лова, они всю боудю да мягкую рыбу пожрут в озере. Убыток, а не прибыль от этого.

— Не тужи о мне, отрасли есь! Так и о моле.
— Недорубленный лес скоро вырастет, а рыба того ходче. Мы жди, а кто кормит нас станет?

— Стрельбой грозит! С немцем не справились, думают со своими справятся!

— Метил в лукошко, а попал в окошко. Мы, может, смерти от такой жизни как подарка ждем.

— Наекаю сколько! Оплатится как! В кулаке мяса больше ежели у хорошей бабы на задку!

— Невода сдавай! И то, и пятое, и десятое! Шалишь! Сдали мы вам!

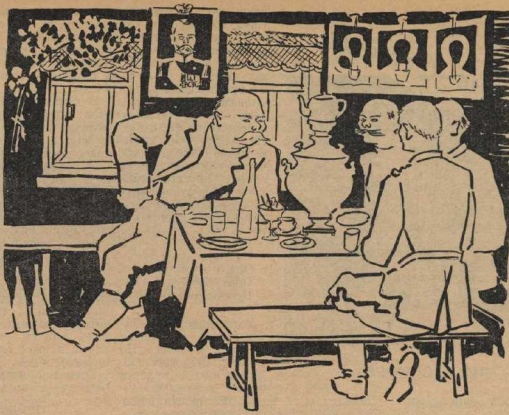
— Дубинкой бы пыль вытрасти мадось с лежебокой!

— Я, я, — выходил из себя становой, — я вас простил, я сквозь пальцы посмотрел на ваши поступки. Я вас всех арестую!

Сход дружно и весело ответил хохотом. Бабы закрывались фартуками и фыркали. Эзонко резвились босые, полунагие ребятишки, сновавшие вокруг схода.

— От хорошо, — спокойно сказал Платон Кутыков, — на готовое хлеба, барин. Было б за что арестовывать, чей-то неграмотные мы — не погадыдаемся.

— Вы, вы бунтовщики! — свирепел бессильно и жалко Алексей Васильевич, вдруг потеряв всю грубую и крепкую силу голоса.

Вблизи и вечеру становой порядочно подвыпил

стражников, кинулись стремглав наутек. Становой Платона Кутыкова, Терехина и Подуванова. Мужики спокойно стояли перед Алексеем Васильевичем и не сводили с него глаз.

Становой подловленно взглядывался в урядника и старшину, будто не понимая, где же остальной народ и ачетем столпи теперь перед ним только три мужика. Антип Иванович и урядник и стражники виновато отводили глаза в сторону.

— Взять их! — внезапно расслабленно сказал Алексей Васильевич, — и доставить ко мне в стан. Я с ними там потоворю! Я их допрошу-у! Они у меня узнают, как бунтовать! Я с ними потагожусь!

Алексей Васильевич поехал отдохнуть к уряднику. Там на паях со старшиной был подготовлен стол. Становой выпил, закусил. Он не мог забыть своей неудачи. Она казалась ему такой же позорной, как неудача Афанасия Александровича незадолго до этого. Даже больше. Он не пропал себе, что растерялся, но приказал стражникам проучить разбегавшийся со схода народ. Навеселе, поддвигая к себе ближе урядника и старшину, он, оправдываясь, золотоголос говорил:

— Я, знаете, припомню, припомню! Я так не спущу! Народ разбалован. Я в Угловском фабричных усмирю, а з-мужиков и подавно проучу!

Когда ближе к вечеру, становой порядочно подвыпил, в урядничью квартиру, украшенную березками, ему так по-наривалось, так молодая поувядавшая листва кстати запахла и пробудила в нем усмирительные от пережитых хлопот, что он развеселился, запел и даже вспелкнул.

Тогда и прибежал опрометью перепуганный писарь Кузьма Кузьмич с неожидающей вестью: бабы вломилась в волостное правление, открыли холодную и отбили мужиков. Афанасий Александрович поспешно начал искать свою шапку.

— Да врешь ты! — воскликнул обомлевший старшина.

Алексей Васильевич сморщился, пьяно мотнул головой, что-то гное сооробрав — и вдруг рассмеялся.

— Баякостели порядки! — закричал он насмешливо. — Если давеча не справились, теперь и подавно не угадаем в точку. Держать фронт по бутылкам!

В 1929 году

к журналу „СМЕНА“

БУДЕТ ДАН РЯД НОВЫХ БЕСПЛАТНЫХ И ПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ

Условия подписки и проспекты приложений читайте в следующем номере

В горах Юго-Осетии

Очерки П. ТИФЛИССКОГО

ВЧЕРА еще хмурилось овинцовыми тучами небо, а сегодня уже вышло из-за лиловой горы солнце и ярко заигало белыми полосами снегов, ударило в глаза ослепляющим блеском. Выехали вдвоем из Цхинвали, с секретарем райкома К.

Вот на бугорке пахота. Две пары запряженных в плуг буйволлов пахнут. Хозяин пашет позла, а сбоку десятилетний папан подгоняет скотину. Кладет плуг ровные ряды чернозема.

Грязь неимоверная, классическая грязь. Встретные арбы грузнут до самой оси. Лошади наши вынуждены по колено. По такой грязи не приходилось ехать к Коборчице даже Чичикову.

Я и спутник захлебываясь потоками брызг и грязи. Часто приходится переосаждать горные потоки. Едем берегом Малой Лиахвы, на котором попадаются, как горные птицы, водные мельнички, вертятся в них жернова, и сидят около них крестьяне с кувалками и ждут поклади. Мой спутник вырос в этих местах; в каждом селе у него есть родствен-

ники: то сестра, то тетка, то еще кто-нибудь. Едет он на лошади с важным видом, и замечаю я в его глазах дружеские и в то же время скептические улыбки, вероятно знает, что я слишком посредственный ездок. Не любит он ехать медленно — сказать хочется, вихрем лететь вперед. По пути попадаются небольшие грузинские села. Мой спутник едет вперед и все время поет.

Она его любит,
Она его мат,
Она его будет
Целова-а-т...

Затягивая свои... Затем пивоем выпираемся в мотив и поем „По морям“, оглашаем просторы, а хохот песни звенит по ущелью.

Наконец, к 12 часам мы проехали полпути — верст десять. Остановились в селе Ортези, в райкоме. Нам восторженно встретил секретарь райкома В., худощавый парень, окованный недавно санитупиком во Владикавказе. Он тоже должен ехать с нами в Зонкари.

Пообедали в местной советской столовой. Нам новый знакомый кинулся искать лошадей для поездок, но нигде не достал.

Пришлось моим полуптикам сесть на одну лошадей: «вторым классом», острил мой знакомый из Цхинвали.

Река по бокам все шире и бешенее вздымает седые валы, как огромное, комматое чудовище. Серебряный звон ручьев стоит в ушах. По склонам гор попадаются леса: с зарослями дубов, пихт, сосен.

В лесах часто виднеются развалины старинных крепостей, башен, персей; былых седых свидетелей, повествующих о власти феодалов, о пролитой крестьянской крови.

И так до самого Зонкари.

В ДОМЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ

Навстречу нам кинулась стая собак, быстро атакованная нас. Через десять минут мы сидели в доме комсомольца, Соси Валиева и его жены, тоже активной комсомолки, которая первая встретила нас.

Почти вся сельская молодежь отсутствовала. Многие утаили собак. Другие уехали за дровами в лес.

Село Зонкари расположено на бугорке, втиснуто в горную щель, вверху села стоит баши, внизу — шумит поток.

Всего в селе 42 двора. Комсомольская ячейка МЗЛЗ: организовалась в конце 1926 года.

Членов в ней всего 19 человек, из них две девушки. В 1927 году здесь был организован ликункт, теперь среди комсомольцев нет ни одного не умеющего читать и писать. Только вновь вступившие еще неграмотны. Проводит также политички, которыми руководит местный комсомолец.

Комсомолка-хозяйка, недавно вышедшая замуж, из соседнего села, встретила нас приветливо и привела на «второй этаж», на чистую половину. Смотрю в окно, и совсем близко высятся конусы и пирамиды горных вершин, убегающих в небо.

В комнате чистота удивительная. Чистое одеяло, простыни, подушка. На стенах плакаты о займе и карточки с людьми в черкессках, с висцини у пояса князиками. Пол выметен.

В комнату вошла хозяйка дома, старуха лет 60, в черном ранном платке с подоткнутой юбкой.

Стали с ней беседовать о жизни, и она, подперев руку, начала жаловаться.

— Бог хочет, чтобы молодежь молилась, — говорит она, шуря выплетные глаза и улыбаясь пергаментным лицом.

Отны и дети. Два мира. Молодые и старые. У нашей хозяйки комсомолки давно выброшены иконы, и в деревянные божницы вставлены карточки, на которых вместо богов молодые лица. Но надо сказать, что некоторые старики здесь, в этом глухом ущелье, на стороне не молятся.

Есть в Зонкари два старика, о которых стоит написать.

ПРИМЕРНЫЕ ДЕДЫ

Валиеву Росебу около 120 лет. Он не верит в бога и всегда вступает в бой и споры с верующими. Будучи в воде он поддерживает комсомол и пионеров. Все внуки у него пионеры и комсомолы. Старик прожил порядочно, а умирать все же не хочется. У старика есть еще 3-летний внук, о котором он говорит:

— Буду жить еще до тех пор, пока не вырастет внук, ждать буду до тех пор, когда схожу я вместе с внуком копать ося, а после этого уже с легким сердцем можно умереть...

Росеб еще отличается на село общественной работой. Починить дорогу, поправить мельницу, помочь соседу — он всегда готов. Голос у него звонкий, как у молодого, как аршинет — за версту слышно.

Несмотря на его борьбу с богом, все же сельчане о нем имеют хорошего мнения, и в любом общественном деле слушаются его.

Второй старик — бугатарь Валиев Сосо, которому лет 60. У него дети и внуки тоже комсомолы и пионеры. Он очень уважает комсомол и энергично борется с религией. Бывали такие случаи, когда комсомолы и пионеры заезжают и не идут на собрание, то старик их выговаривает из дому. На село он ведет общественную работу и заставляет своих детей принимать в ней участие. Некоторые крестьяне ведут такие речи:

— Раньше лучше, мол, было: отплачивали покласть, а после этого он подарит полтинник или поднесет чарку водки, а теперь платишь налог, и ничего никто не дает.

В ответ на это Сосо на сходке начинает ругаться и убеждать:

— Был, как раньше нас были, назывались над нами, когда мы были бедными и беззащитными.

У старика парализована рука. Он ведет пропаганду против религии, показывая на свою руку:

— Если есть бог, то пусть он мне мою руку вылечит. Его нет, он не лечит, потому-то я и не верю.

На снимках: сверху — экскурсанты на Военно-осетинской дороге; внизу — горное селение, окруженное полями, возделанными на каменном основании горных пород.

Свадьба в ауле Ланушай. Дингиты сопровождают невесту в дом жениха

Сосо о крестьянском займе говорит: «Я должен приобрести облигацию, несмотря ни на что». Некоторая часть стариков посещает политички и интеллигентские работы комсомола.

Разумеется, не все хорошо. Много недостатков пришлось нам наблюдать на ряду с крупниками чистоплотности, много еще в домах грязь, дети в липках, в чесотке и т. д.

Представление о комсомоле не у всех крестьян правильное; некоторые (меньшинство) даже относятся к нему отрицательно. Ребята тоже еще властвует над психологией осетинского крестьянина. До сих пор крестьяне приносят жертвы, которые состоят из шашлыка, арки, хлеба и т. д.

Иногда комсомольцев, как самых молодых в семье, заставляют относить жертвы в церковь. На этой почве часто происходят раздоры, комсомольцы прикладываются к отделению; особенно родители недовольны комсомольцами за безбожие.

Все комсомольцы с жадностью стремятся к учебе, но им иногда мешают родители.

СОБРАНИЕ И ПОСЛЕ НЕГО

Пастушат ветер. Многие комсомольцы принесли скот, привезли дрова, и бегут к нашему хозяину — секретарю ячейки. Молодые, безудельные, с смелыми взглядами и движениями.

На столе у нас уже различные угощения. Арака, пироги с сыром и соевое молоко. Набралась полная комната: пионеры и комсомольцы. Собранные гудят, как в улье пчелы.

Мой фотоаппарат и карманный фонарь служили большой приманкой. Сперва пионеры подходили робко, на цыпочках к фонарю, нажимали кнопку и удивлялись тому, как получался яркий электрический свет. Потом подошли комсомольцы и рассматривали...

Угощаемый релушскими хозяевами, я вынужден был выпить несколько стаканов арки и пить соевое молоко, ибо ничего больше съестного не было. Вскоре после ужина я растянулся на мягкой постели, что для меня было неожиданностью, так как я предполагал, что придется спать где-нибудь в сарае, в лучшем случае на досках, где-нибудь в сакле.

Индивидуально трое приобрели на семь рублей. Даже здесь, в этих заброшенных селениях, понимают важность нашего строительства.

После докладчиков начались прения. Выступали парни с голубыми глазами, с обветренными лицами, и говорили толково, убедительно, с чувством, что редко можно встретить даже в городских ячейках.

Суровая природа наложила мудрость на эти молодые лица, даже пионеры и октябристы говорят как-то деловито и сдержанно; не видно ни одной кривой или забывай рожицы; в глазах только блескают искорки душой хитрецы.

Собрание продолжалось долго, никакого регламента, конечно, не соблюдала, правда, и часов ни у кого не было. Многие выступали. После собрания, как сидели в бочку набились комсомольцы в «гостиную». Пионеры стоят у порога и деловито козыряют в носу. Начали тут же говорить о своих нуждах. Деревня преимущественно бедняцкая, нет даже середняков, а кулаков нет и подавно. Основное занятие крестьян — земледелие. Некоторые занимаются скотоводством. Земли очень мало.

Ребята, все скопом, жаловались на отсутствие школы, которая существовала в прошлом году, а в этом году закрыта. Причины: отсутствие помещения и отсутствие настоятельных требований со стороны населения о школе.

Между тем, в селе имеется детей школьного возраста 42 чел. Ребята говорят:

— Мы будем добиваться, чтобы школа была обязательно. Если нам не помогут, придется самим виться строить. Избыточность в селе тоже нет, о ее необходимости говорили многие комсомольцы.

На селе единственным отопком во тьме является ячейка. Ребята несколько раз пытались устроить коммунальные запалки, но ввиду бедности и малоземелья их планы не осуществлены.

В соседнюю комнату пришли комсомолы и пионеры, важно и чинно усаживаясь на стульях, лавках и обрубках. Начинается собрание. В повестке дня два вопроса: посевная кампания и распространение крестьянского займа.

Мои — получили дела доклад, а слушатели напряженно молчали, внимательно вслушиваясь.

Еще до приезда докладчика начали проводить кампанию по реализации займа.

Комсомольцы коллективно приобрели пятнадцать рублевую облигацию.

РАССКАЗ КОМСОМОЛЬЦА

Нам молодой хозяин Соска Валиев повествует о себе:

— Каждую весну стараюсь опчипать семена от сора, перед севом. Вывожу навоз на свои поля, чтобы они давали лучшие плоды. Очистил свое поле от камней.

Во время нашей беседы девушка, стеснялась войти, о чем-то шушукалась на балконе и унылась. А комсомолец все рассказывал.

(Окончание следует)

Рекламная проделка инто (продавец яблок) в старом Тифлисе. В лотке не только яблоки, но и приятель продавца

ЛИЦО КЛАССОВОГО ВРАГА

Меньшевики, кулаки, поны, сектанты, чистки тянутся своими щупальцами к молодежи, стараются разными путями подчинить своему влиянию и оторвать ее от комсомола, от партии. Партия и комсомол ведут борьбу за молодежь, за коммунистическое перевоспитание всего подрастающего поколения.

Мы постоянно должны смотреть и на свой собственный класс, и на самих себя, для того, чтобы не упустили тех огромных сил, которые сидят непосредственно в теле нашего организма! — говорил И. И. Бухарин на VIII съезде. К числу этих сил относятся классовый враг, бюрократизм, антикоммунизм.

Нашей задачей является показание лица классового врага и найти пути борьбы с ним. Помощью раскраски «Начало карьеры», заметку «Кулаки среди нас» и очерк «Горькая чаша» (стр. 6—10), редакцию и дальнейшим участием в борьбе с классовым врагом за молодежь, борьбе с отрицательными явлениями в комсомоле большое место. Приглашаем читателей присылать материалы по этому вопросу в той или другой форме (заметки, очерки, рассказы).

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Рассказ С. ЧЕРНЯКОВА

ПОСЛЕ гудка в мастерской стало тихо и свободно. Натянулись и замолчали приводные ремни, плотно обнимая блестящие маховики. После трескучего гама, шага парней очень громко гремели по железной лестнице, а их слова вносили отчетливо стоящими эхом: «Рейка, не уходи! Витя, заходи всех на собрание!»

Виктор широкими, замасленными пальцами загораживал выход. Среди выходящих он вылавливал комсомольцев:

— А, Митя! Валя! в красный уголок — все равно не пушу!

— Олечка, вы куда? Поворачивайтесь обратно!

Никто на него не сердился, потому что говорил он весело. Задержанные заражались его настроением, тоже смеялись и «поворачивались обратно».

Уже редели голоса и уходили посылки рабочих, когда Виктор, обернувшись, увидел около лестницы Андрея Парукина. На нем был чистый костюм и из кармана торчали два острых карандаша.

— Ты что ж это, — удивился Виктор, осматривая его, — чистый такой! На станке больше не работаешь?

— Не работаю. Теперь меня в чертежную контору перевели!

— То-то я тебя уже неделю не вижу.

Лучистые складочки около глаз Виктора нечаянно и сурово лгали между бровей, крепко сошлись губы, сметая с лица улыбку. Он вспоминал, как Андрей два года назад поступил учеником в кузню, потом выросшая на станке, вконец отбившая дорогу в контору, и чистый рабочий. Оглядев Андрея, Виктор чувствовал на своем лице злобный жар и, закинув руки в карманы, сказал:

— Та-а-а! Блять ходишь по заведующим, прикидываешься обиженным, карьеру зарабатываешь! Ну, валяй, валяй, а теперь идешь наверх, собрание сейчас начнется!

Андрей радостно ответил:

— Не твоё дело! Не хочу на станке работать — и кончено!

Большая комната красного угла была уставлена платками и оттого, что на скамейках и окнах шумно сидели комсомольцы, она казалась уютной и маленькой. Когда вошел Виктор, а за ним Андрей, секретарь ячейки выбрасывал давно знакомые слова:

— Изменений и дополнений к постановке не будет?

— Нет! Давай дальше!

Дальше пошло, как всегда. Говорили, что дисциплина неважная, на собраниях

ходит неохотно, предлагали «решительные меры».

Виктор слушал плохо. Он стоял у стены с заложёнными назад руками и, поглядывая на Андрея Парукина, думал:

«Есть к нему бы надо решительные меры применить. Тут люди уходят, чтобы в чертежную поехать, а он, подполз, другую политику ведет, перед начальниками выстукивается!»

Секретарь стул карандашом по столу.

— Товарищи, не шумите! Кто еще будет говорить?

«Вот рассказав бы сейчас про него, — думал Виктор, — чтоб все увидели!» — и встух сказал:

— Мы, ребята, говорим здесь о дисциплине, а вот товарищ Парукин... — он замолчал, рывик про себя: без толку это, и дисциплины здесь не при чем.

— Ну, что ж ты замолчал? — головы повернулись к Виктору.

— Не стоит говорить! Кончил!

— Витя будто во мне говорил, — широко улыбаясь секретаря, — а за Парукиным я ничего такого не знаю! Перейдем к следующему вопросу.

На молниеносно текущей неопочи слов его все ушли: заплата будет провозиться «день леса», поэтому надо собраться к девяти утра к клубу и с музыкой идти за кладбище, где на поляне перед лесом намечена посадка деревьев.

Этим сообщением собрание закончилось. Опять толпот ног мелко дробил тишину в мастерской, ударяясь гудками звуками в широкие окна и застекленную крышу.

Утро было полюбое. Перед клубом, в саду за решеткой забора было шумно, подвижно. Рубашки и шляпы, коричневые руки с засученными до локтей рукавами мелькали между кустов.

Из дверей клуба вышел парень и, вдохнув в себя воздух, крикнул расшумевшейся молодежи:

— Пора выстраиваться! Музыка заходит вперед!

Это был руководитель колонны...

Сотня ног вынесла разноцветную ленту молодежи за зеленые ворота, и медный домик и серых заборов. С лопатами на плечах прошли город, сильной песней заменив замолкший оркестр:

«Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»

За городом, далеко от последних домов, песня рвалась дружной и громко. Отряд обходил кладбище.

Виктор шел во втором ряду, позади оркестра. Ему было весело. Поворачивая на плече лопатку, он пел очень громко, вытирал платком вспотевшее лицо.

Комсомольцы рассыпались по опушке леса. Здесь нужно было сажать тонкие, похоже на редкие волосы, корешки коротких, нежных сосенок.

Около жилищной загоры из сосновых жердей Виктор увидел Парукина.

— А, Андрейша! — весело сказал Виктор, подходя к нему, — ты тоже здесь!

— Почему ж мне здесь не быть? Виктор засмеялся:

— Я думаю ты не придешь по случаю новой должности!

Андрей работал вяло, чувствуя себя одиноко среди говорливых и смеющихся товарищей.

Выбрасывая лопатой землю, он думал и не понимал, почему Виктор на него злился. С самого своего поступления на завод Андрей считал себя неспособным работать на станке, ему хотелось найти себе место в конторе, за письменным столом.

— Ты, Парукин, так глубоко не копай, — внезапно прервала раздумье Андрей работавшая с ним рядом девушка Ольга Мухоморова. — Говорят, ты в чертежной теперь занимаешься?

— Давно ужо.

— А ты разве учишься чертить?

Андрей злобно подумал:

«Тоже лезет еще с вопросами, дура, будто понимает что?» — и, сдержавшись, ответил:

— Я для того и на завод поступил, чтобы научиться. И чертить научусь! Он поглядывал на голые Олины руки, про себя удивившись: ну и руки у лей-дзоров! И вместе с тем был доволен, глядя на них. Сравняв в уме Олю и конторщицу Лидю Исееву, не мог решить, кто из них лучше, хотя у Лиды руки были белее и тоньше.

Андрю стало жалко, что он не остался дома. Сопние уже полтора часа пекло ему спину, которая начинала нудно болеть. Без охоты проработал он еще час. Комсомольцы, побросав лопаты, начали уходить с поля. У осеи в мягкой траве они закусьили, отдыхали под короткий девичий смех.

Андрю после еды казалось не так скучно, о Викторе он больше не вспоминал, и когда вглянулся на поле, увидав, как много уже посадили. С Олей он ходил к ручью, где они долго обнимались волей, догоняя друг друга, а, вернувшись, играли в мяч. Громко, высокими голосами вскрикивали девушки, убежав от летящего мяча, ребята одобрятельно хохотали.

После двухчасового отдыха работники легко, радки посаженных растений появлялись быстро один за другим, словно сдвигались отсюда-то со стороны, лозась на землю.

Когда кончили, солнце стояло низко над соснами. Андрей предложил Оле пойти побродить по кладбищу.

— Снешить нам некуда, — говорил он, — стемнеет еще не скоро.

Они прошлись по дорожкам. Под тополями и березами воздух сонно молчал. Над заросшими могилами с неяркими крестами безмолвно висели прозрачные тучки комаров, а со стороны бовлавно надвигались куны.

Оли задумчиво сказала: — Когда-то здесь отна моего хорошилки, не помню, где его могила. Литейщик он был, на заводе сорок пять лет проработал!

Андрей не хотел говорить ни о литейщиках и умерших отцах, ни о заводе. Он держал Олю под руку, чувствуя ее тепло.

— Давали-ка, сидят вот здесь, — Андрей указал на заросшую между могилок площадку, — и не говори больше, скучно становится!

Они опустились в густую, зеленую пеструю траву. Андрею было приятно, потому что на заводе была контора с чи-

— Ты, Паруни, так глубоко не полай...

стым стоном, которого он так долго добывался, а здесь — засыпающие деревья и Оля Мухина.

Оля как будто не заметила, как Андрей обхватил ее рукой. Он слышал ее голос, смотрел на ее шевелившиеся губы и не старался понять, что она говорит. Посидев долго он взял Олю за плечи и, притянув ее к себе, поцеловал в щеку. Повернув к нему порозовевшее лицо, она удивленно спросила:

— Ну? Ты что это возмущаешь? и легко отбросила его руку от себя.

Ионут, как ветром, дул с ее щеки розовую краску. Сильно рванувшись от Андрея, тихо сказала:

— Так вот что... Какой!

Андрей ничего не ответил. Ему стало вдруг душно от внезапной горячей злости. Стали противны сегодняшняя прогулка с работой в поле, завод с его надоедливым лаганием и эта бледная, испуганная Оля Мухина.

— Уходи, сволочь, отсюда! — громко и визгливо закричал он. — Скотина... Рабочая! Уходи!

Ничего не понимая, Оля посмотрела на него:

— Что? Что ты сказала?

И как-будто, что-то вспоминая, круто повернулась и побежала от Андрея, перескакая прямыми струями из темно-зеленых листьев.

„ЧУЖАКИ“ СРЕДИ НАС

В НАШЕ время все стало проще и открытее. Не так стесняются в обсуждении разных вопросов и прямо высказывают свои мнения. Это снаружи. Но если всмотреться поглубже, — скажется, что многие лицемернее, чем думается. Это явление заметно и у нашей молодежи — людей 17—20 лет, с еще неформировавшимися взглядами на жизнь и часто без убеждений, осязанных современности. Их лицемерие даже не лицемерие — это среднее между ним, открытостью и страхом. И вот именно в такой среде развивается антисемитизм и создается предубеждение к советской власти. Среди такой молодежи — и комсомольцы и беспартийные. Честность для них какое-то отвлеченное понятие, не встречающееся в жизни, о котором можно прочесть только в книгах.

У нас постоянно говорят о сознательности, но многие из нашей молодежи понимают под этим чтение газет и наизусть над капиталистами, но для более близких вещей эта сознательность отсутствует.

Вот еще пример: молодой рабочий стащил с завода 20 напильников. Когда товарищи, укоряя его, говорили, что это несознательно, что он крадет у себя самого и у государства, он проницательно отвечал: — А вы сознательные? — Да и вообще он не верит в социализм, не верит в возможность переплавок собственностиской психологии. И он упорно отстаивает свои убеждения, хотя окончил профшколу и готовится в вуз.

* *

Интересно отметить также отношение к комсомолу. Не ново, что многие поступают в комсомол, чтобы поступить в вуз и на работу. Но все же интересно проследить за психологией такого «комсомольщика» парня. Вот один такой. Он сын рабочего, окончил семилетку и желает учиться дальше, но для этого нужно быть членом союза и иметь стаж, а все это можно достать скорее, став комсомольцем. Он начинает посещать явочки, называть себя сочувствующим и идет в комсомольский поход. Встретившись на бирже труда с товарищем, он говорит, что комсомольские скорее пойдут на работу и что он тоже думает стать комсомольцем. Он спрашивает у товарища, почему тот не делает так. Товарищ говорит, что для скорейшего получения работы в комсомол поступать не стоит, комсомол не для этого. Когда он сам всего добьется, тогда и вступит в партию. «Сочувствующий» усмехается: — Нужно бросить всякую плешность, — говорит он, — вот я иду в КСМ, чтобы попасть на работу, поступить в вуз. Вообще, теперь нужно быть наглым,

бесстыдным, бесчестным и стремиться к цели.

От таких «идей» остается только руками развести. Подобные молодые люди недоверчиво относятся к достижениям нашей страны и насмехаются над будущим. Несмотря на образование, у них заметна усталость умственного круговора. Разве доказательством этому не служат антисемитизм? Тот, кто украл 20 напильников, ненавидит евреев; «жиды» — он иначе не называет евреев и считает их всех ворами, обманщиками! «Сочувствующий» комсомолу свою нелюбовь к евреям выказывает меньше и более тонко. Если ему попадется заметка в роде — «евреи на земле», он будет ее смаковать, вертеть и, хихикая, плесно остеречь. Еще один юноша, — кстати сын влиятельного коммуниста, говорит: — Вей живое, спасай Россию! — и когда ему говорят, что это глупо, он отвечает: — Россию надо спасти! — Хотя сам он — грек. И такие люди думают стать инженерами, строить наше хозяйство? Как бы из них не получились вторые шахтинцы!

* *

К счастью, все это не рабочая молодежь, а большей частью из интеллигентных семей, где еще сильна нелюбовь к советам. Ерид ли можно во всем виноватым считать нашу общественность, весь наш строй, и врид ли можно думать об исправлении этих убожков эпохи. Придет время — они либо одумаются, либо будут трусливо жить, радуясь всякой нашей неудаче, и при всяком нашем успехе — еще глубже зарываться в себя. Но теперь задача комсомола — освободить от их влияния, хотя и маленького, рабочую молодежь.

М. Грамм (Марнуполь)

Вот двое друзей служащих: один комсомолец, другой беспартийный. Второй гордо рассказывает, как он обманивает и обманивает покупателей. Постепенно это уже стало у него привычкой. Нужно заметить, что страдает от такого «вредительства» бедный покупатель, — к хорошему олетому покупателю он и вообще сопоставлять относится с каким-то подострастием и угодливостью. Первый — комсомолец, услышав эти приказания беспартийного, презрительно говорит: — Он еще мальчишка, он еще ничего не знает. Засеялись он когда-нибудь. Вот я так действительно умею. Позавтракаешь, с'ешь конфет, а это нужно покрыть... Когда пыльный прилет, сунешь ему вино за 75 к., вместо полтора рубля. О, это нужно уметь!..

Что можно на это сказать? Разве только то, что комсомолец превосходит беспартийного в воровстве? А, вель это комсомолец один из активнейших.

ГОРЬКАЯ ЧАША

Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

ПОВЕДЕНИЕ Ваньки Четечкина, наконец, серьезно стало волновать ячею. Все мелкие и случайные грешки парня стали учашься все больше и больше, последствия их — окрашиваются все ярче в невеселый и злостный характер; не замечать этого уже было нельзя, и когда ячеика раскрыла глаза во-всю — дело представлялось ей весьма печальным и плохим — парень опустился и заплакал.

В понедельник Ванька пришел в цех уже после обеда и сильно выпивши, однако стал требовать, чтобы его допустили к работе. Цеховой старшина Мионов сначала стал упрашивать его уйти по чести. Мирные уговоры привели ни к чему не смогли, и без скандала не обошлось.

— Куда тебя с пьяной рожей к делу! — толкал его старшина от огромного рабочего стола во весь цех. — Мало что ли без тебя браку у нас в продукции? Еще больше обранить фабрику что ли охота? Уходи!..

— Сам ты уходи! — размахивал кулаками в пьяном буйстве Ванька. — Ишь, тоже наибольшего из себя строит, политического руководителя! А сам не знает, что такое чартисты. Ты это нам, малограмотным, объясни, — заносчиво разорвался в язвливом хохорстве Ванька, — а то мы без тебя не знаем истории протестарской революционной борьбы!..

И деланный, неприятный смех раскатился из его пьяных уст по всему цеху. Не замечать скандальной сцены было нельзя, и работающие переводили свое

вниманье от работы на Ваньку и старшину.

— Ма-да!.. А я узнал про чартистов еще четыре года тому назад, бессвязно — продолжал бормотать Ванька. — И меня очень заинтересовало это р-революционное движение — восемнадцатого века, имевшее место в капиталистической Англии.

— Не в восемнадцатом, а в девятнадцатом были чартисты, — кто-то подзадрол его.

— Как бы не так! — путался Ванька. — Я и без вас очень хорошо знаю, где вы политически недоросли, чтобы мне ука-зывать!

— Что и говорить, — не унимался подзадрывающий толкос. По этому случаю, видно, и нарезался ты.

— Вот что, чартисты! — наприг последние силы уговорить его чество старшина, — уходи из цеха! Видишь, ты и сам не работаешь и другим мешаешь.

Доброе уговаривание прошло мимо ушей. Четечкин затормозился еще отчаяннее, мешая работать соседям по своему столу.

— Но притесненные эксплуатацией рабочие, — продолжал пьяную вакханалию он, — напрасно написали хартию и по-несли к дурашливому королю. Я бы... я бы... — записался Четечкин, размахивая руками, — я бы на их месте разбил королевскую морду и разгромил весь двор-ррр!

Его взяли под руки и вывели насильно из цеха на фабричный двор. На дворе кипела и хлопотала напряженная трудовая жизнь, и несладко-касаемый, оглушающий шум еще больше увеличил тяжелое охлаждение Ваньки Четечкина. Ему показались на минуту то боли стыдно и противно за свою бесчестную праздность, мелькнуло негадательное желание повернуть и уйти снова в цех, стиснуть с себя пьяную муть и горячо приняться за работу. Но ему вспомнилось, как его только что вытолкали отсюда, и новый, уже низменный и эгоистический стыд ошпарил Ваньку. Он недолго постоял, что-то бесцельно проморгал пожелтевшими губами и, отчаянно махнув рукой, решительно направился к клубу.

В это время цеховой старшина Мионов все еще не мог как следует успокоиться. Да и на остальных рабочих встреча с Четечкиным произвела тяжелое впечатление.

— Как его через наш контроль про-

пустили? — недоумевалось спрашивать он работающих. — Ведь сколько раз предлагали как можно строже проверять проходящих на производств!..

— По старой привычке вероятно дали пропуск. Таких художества за ним ведь не замечалось.

— Да, жалко товарища, — со вздохом и тоской проговорила комсомолка Морозова.

— Мало того, что сам распустился, других еще путает, — возмущался старшина. — Нет, нужно не откладывая поставить вопрос о снятии его с производства. Мне такого работника не нужно, сами с ним улаживайтесь.

— Уволить, недолго, — вступилась Морозова, — в два счета погубить парня можно.

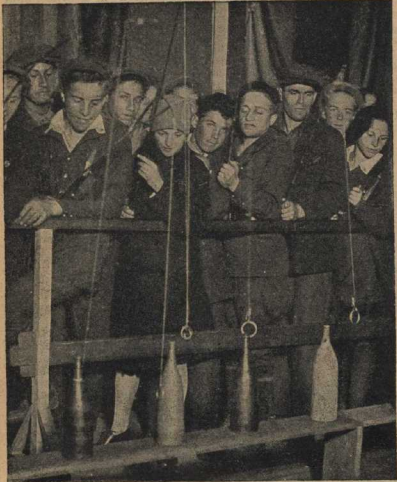
Старшина отстаивал только хозяйственные интересы; до воспитания и образования рабочих ему, казалось, не было никакого дела.

— Напрасно вы думаете, что ласковыми уговорочками его переделаете, — говорил он. — Четечкин не даундлетный ребенок, чтоб на ласку вам даться. А тянуть, по-моему, нам нет расчета: на его место наберется сколько угодно!..

Клуб оказался закрытым до конца работы на фабрике, деваться Четечкину было некуда и он с каким-то жутким изорством юркнул в распахнутые грязные двери пивной. Это примечательное заведение тесно соседствовало с помещением клуба: пивная находилась в проулочке за углом, а желто-мутная вывеска ее висела на углу желтого здания. Помимо этой пивной, в этом квартале находились еще две: они окардуливали проходы от фабрики к соседним улицам и трамвайным остановкам. Работают эти пивные бесперебойно — с утра до позднего вечера. Правда, во время получки жалованья их закрывают на пару дней, но предприимчивые пивоторговцы пошли «настрелу» своим посетителям и стали принимать авансы или же открывать кредит под ценные документы.

Вопрос о закрытии пивных поднимался правлением клуба совместно с культ. отделом на заседаниях администрации фабрики, а однажды даже и на общем рабочем собрании, но охочивательного разрешения никто не получал: оправдания давались тем, что от общества по борьбе с алкоголизмом никаких директив по этому поводу не приходится. Кроме того, особенно ретивые хозяйственники — где пивных были кооперативные — оказывались весьма «далекозоркими» и строили предположения, что, мол, закрою публичности, так охотники выпить будут ездить подальше и так или иначе сумеют напиться. Для успокоения совести администрация все же пригласила для санпромысли руками, предложить рабочим собраться в одной из аудиторий и там «всучу», т.е. без научных примеров, световых картин, соответствующей кинофильмы и пр., отзвонили свои доклады. Никакого конкретного значения, примененного к фабричной жизни, общественные руководители фабрики проявить также не сумели, и доклады прошли только «в общепроветительском» тоне.

Когда звонко прогрохотал звоночек фабричный гудок, очень похожий на па-

Усилить культурно-просветительную работу (на фото — молодежь в парне культуры и отдыха).

С пьянством неотложно предстоит бороться.

роходный, и рабочие, вымывшись, оделись и пообедали в фабричной столовой — стали собираться под вечер в клубе. Ванька Чететкин, нарезавший до последней крайности, бесцеремонно вошел в комнату молодежи. Неужелюбе и шатко переваливаясь, как медведь, и оставляя на зеркальном полу огромные хлопья грязи, Ванька подступил к двум скромным на вид девушкам и начал их бесцеремонно мять и тискать. Одна из них с криком вырвалась.

— Говори, проклятая, с кем гуляешь? — крило накинулся на нее Чететкин. — Все равно ты от меня нигде не денешься!..

И грязные, жуткие ругательства замутили пьяную Ваньку реп. Человек пять ребят кинулись к Чететкину из всех углов комнаты, девушки поспешно скрылись, кто-то принялся звать заведующего клубом... Но Ванька клокозавшей и нем пьяной силой отмахнул от себя парней и, сжимая кулаки и дико поводя глазами, ринулся к прекрасному бежскому стеклу зеркала и безжалостно смахнул его на пол с дорогой подставки орехового дерева. С звонким звоном треснуло дорожное стекло и разлетелось мелкими острыми осколками по полу.

Подоспевший занклуб полочек к Чететкину и стал было ему внушительно выговаривать.

— Кого! Чего! Кому! Зачем! — неуважно заборнотал Ванька бессвязные слова, пьяно полатая, что это смутит секретаря, рассмешил ребят, а его самого поднимет в их глазах. Дерзкой и независимой, но шаткой от хмеля походкой он направился к выходу, распевая на ходу произвольно и развязно:

... Стак-качки граненные...

На другой день Ванька совсем не явился на фабрику. Потом немного остепенился и проработал целую неделю поряд. Но вне фабрики все замечали его только пьяным и хулиганистым.

Как испранный Чететкин? Что нужно для этого сделать? Принесут ли хлопоты желаемый результат? Почему свихнулся так неожиданно парень и что привело

его к этому? Есть ли гарантия, что не случится подобной истории с другими? — все эти трудные и тяжелые вопросы казались яечке почти неразрешимыми. Неразрешимыми они показались больше потому, что Ваньку Чететкина все знали решительным, энергичным парнем и прекрасным общественником. Садователю, ограничиться тем, что вызвать его в яечку, посоветовать, укорить и пристыжать, конечно, было бы наверняка бесполезным. Ванька не слабохарактерный и не робкого десятка парень, который бы испугался и только от этого перестать пьянствовать. К тому же он великолепно разбирался всегда в своих поступках и был хорошо развит по сравнению с остальной молодежью. Простым уговариванием и угрозой исключить из комсомола или уволить с работы чего-либо достигнуть, по видимому, было трудно. К тому же яечке было жалко потерять неутомимого и примерного до этого Ваньку.

Пока все это занимало и тревожно волновало яечку, из цеха продолжали поступать неприятные сведения о прогулах Чететкина и дезорганизаторском его поведении на производстве. Оттягивать с решением вопроса было нельзя.

Секретарь Кондратьев, представитель фабкома Протасова и еще один из активных культурников клуба поехали к Ваньке на дом для ознакомления с его домашним укладом.

Весело позванивающий трамвай привез на благоустроенную улицу на берегу Москва-реки и остановился у цветущего и опрятного сквера недалеко от квартиры Чететкина. Приехавших встретила не совсем еще старая мать Ваньки.

— Очевидно Ваня нет дома? — спросила Протасова.

— И не говорите, сразу затужила хозяйка. — Как только ударили он в это пьянство, так совсем пере-

стал и домой показываться. Я уж вчера было на завод к нам поехала, хотела заявление в контору подать, чтоб жалованье ему на руки не выдавали. А то он пропивает все, а мне ведь кроме него жить не на что... Но на перекрестке спрудились трамваи, простояли долго, и я опоздала в контору попасть.

— Можете передать мне, — предложила Протасова, — у нас многие жены рабочих подавали такие заявления. Рабочие, правда, страшно ругаются и спорят по этому поводу. Уверюют, что мы якобы не имеем права распоряжаться жалованьем и наша, дескать, обязанность выдать жалованье, принять работу, а до остального нет никакого дела. Приходится лавировать и так и эдак, — продолжает Протасова. — И в вашем слюном обязательно это нужно испытывать.

— А больше ничего и делать не остается, — грустно качает головой мать. — Дошел он у меня как есть до самой последней черты: ниже этого никак нельзя опуститься. Не сын стал он мне из-за этой проклятой водки, а горькая чаша, страдание неизбежное мое! Напивается изо дня в день, никакого череду признавать не желает. Домой приходит — ругается, ломает что под руки подвернется. А бывало степеннее его по всей улице не было. Со стороны заведомо!..

— А почему, вы думаете, запил он? — спросила ее Протасова.

— А это надо, милая, вас спросить, — проговорила с болью хозяйка. — У вас он там все время находился, домом только поспать да переодеться приходил. Вы там его загружали делами, вам и знать лучше, чем мне. Ведь вся Ваняна жизнь на вашей на фабрике была.

— Ну все-таки, вы скажите!

— Говорю вам: не знаю я, — снова потужила хозяйка. — Со мной он о работе своей мало советовался, да и чего я могу ему путного сказать. Он за книгами сле-

Вне фабрики Ваньку замечали только пьяным.

дит, за газетами по школам да по курсам разным учился, на собраниях на паших и везде он был. А я ведь ничего не знаю, мало очень учена я. Помню только подконек очень он на нервы жаловался. И правда, характер был никакая, не угодишь бывало. Я ему пыталась советовать отпротиснуться у вас в санаторий для отдыха и лечения, а он и слушать об этом не захотел. «Какой, говорит, я больной! Да и работу на кого я могу оставить?» А потом вдруг приподит пьяный да и свихнулся с того, покатились под гору. Пошел и пошел пить. Сначала все ругался, что ответственность работу давай кому-то, а не ему. В роде как обидно что-ли ему сделалось...

— Это он, вероятно, о Потане говорил, — сказал Кондратьев. — Помните, мы его назначили руководителем производственных ячеек. Чететкин был против этого выбора. Потом и вправду оказалось, что назначенный Потанов не справился с работой...

— Нет, просто мы чересчур навалились на парня, — ответила Протасова. — Слишком велик груз наложил и не сняли вовремя, а заставили вести без передышки. А раз до такой степени он рачительно не был, все равно и без Потанова к чему-нибудь пришлось бы...

Долго еще говорили приехавшие о Ваньке Чететкине, и хозяйка рассказывала им все, что знала про сына.

Дня через два комсомольская ячейка устроила на фабрике общественно-показательный суд над Чететкиным. Суд, самый настоящий — с судьями, прокурором, защитником и свидетелями, серьезно и пылливо разбираясь в чрезвычайном сложном, больном вопросе.

Прокурор — общественный обвинитель — резко и горячо подчеркнул весь вред, приносимый пьянством в обстановке советского культурного и экономического подема.

— Пьянство — величайшее зло, — говорил он в огромной аудитории клуба перед всеми собравшимися рабочими, — зло, с которым неотложно предстоит бороться и бороться решительно и беспощадно. Без уничтожения этого зла мы не сможем положительно разрешить те огромные задачи, которые стоят перед пролетариатом — хозяином Советской республики. Эта борьба должна вестись на всех фронтах и особенно в и первую голову — по линии рабочего быта. Тяжелыми последствиями пьянства являются: ухудшение качества производимой продукции, падение производительности труда, падение трудовой дисциплины, хулиганство, драки, убийства, ухудшение материального благополучия рабочих.

Конкретных носителей этого зла мы должны судить беспощадно, судить строго. Этого требует та ответственная историческая миссия, которая лежит на освобожденном пролетариате нашей страны.

Защитник Чететкина, соглашаясь вполне и целиком со взглядом прокурора на пьянство, вскрыл те обстоятельства, в которых непонимал подсудимый.

Товарищи! Если мы посмотрим вокруг себя и на самих себя, — говорил защитник, — мы увидим со всей отчетливостью довольно несладкую картину. Что сделала наша фабричная общественность в борьбе с пьянством? Мало! У нас нет даже ячейки общества по борьбе с алкоголизмом, где бы велась систематическая работа, объединяя вокруг себя все единичные энергичные попытки пресечь пьянку. Этих ячеек нет и на большинстве заведенных заводов и фабрик. Дальше: мы,

обвиняя Чететкина, ясно представляем себе его вину, но ни администрации, ни фабриком ведь так и не добились закрытия пивных поблизости с фабрикой. Кроме того, все культурно-просветительная клубная работа у нас слаба. Она не в состоянии захватить целиком рабочих и ведется вяло или очень неумело, не приравливаясь к запросам рабочих. И вот, учитывая все это, мы должны перенести вину с подсудимого на ту обстановку, в которой обвиняемый дошел до данного состояния.

Однако, после речи защитника и показания свидетелей о сугубо тяжелых преступлениях Чететкина в цехе, в клубе, на улице — стали поступать строгие заявления от аудитории:

- Исключить из комсомола!
- Уволить с работы!
- Принять годика на три исправдома!

... Мобилизовать всю общественность на борьбу с пьянством. (На фото автомобиль ячейки по борьбе с алкоголизмом)

После этого секретарь Кондратьев встал слово и горячо выступил за Чететкина:

— Ни исключать, ни увольнять, ни сажать в тюрьму не станем. И даже думать дико о том, чтобы отрезать от себя такого человека и вынести ему тяжелое наказание. Его заслуги перед общественностью фабрики и комсомолом огромны, его прошлое — самое примерное и исключительное прошлое... Мы сами его застали и до этого довели. Давайте сами и вынести его и исправим, давайте ему помогать!

Это произвело огромное впечатление на аудиторию, и долго плескались аплодисменты. Суд даже не стал удаляться, прямо на глазах у всех разбирая всю подноготную дела.

— Предоставить трехмесячный отпуск Чететкину и направить в противоложечный диспансер для лечения!

Таков был приговор в отношении подсудимого. В длинной, но конкретной резолюции суда было вынесено категорическое решение:

— Усилить культурно-просветительную работу, добиться закрытия пивных поблизости, не перегружать чрезмерно активными работой и мобилизовать всю общественность на борьбу с пьянством.

Приговором остались довольны и подсудимый и аудитория.

НУЖНО ЛИ ТАК ПОСТУПАТЬ?

(Дискуссия читателей)

СКАЗАТЬ ПРЯМО

ТОЛЬКО широким мнением читателей можно сказать: «Нет, так нельзя поступать». В нашей стране молодежь охвачена стремлением творить. Это особенно сказывается в повально-массовой тяге к литературному творчеству. Но в подавляющем большинстве наш литературный молодняк еще не настолько грамотен, чтобы создавать хорошие литературные произведения. И этому молодому надо прямо сказать: сначала подучи себя, сть грамотным, пойми, что стихи или рассказы пишутся не для того, чтобы автор увидел свое имя в газете или журнале.

А. Леаков (г. Котельнич)

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЕ ПОЭТЫ

Легкомысленные, несерьезное отношение самих начинающих поэтов к своим поступкам и решениям считаю недопустимым.

Если бы каждый поэт поглубже вдумывался в последствия своего поступка, если бы он представил себе все те разочарования и неудачи, которые являются неизбежными спутниками каждого начинающего поэта или писателя, то он пришел бы всегда к определенному и твердому решению, что он так поступать не должен.

В. Голубев

ЛИРА МОЯ ЗАПОЕТ

Очевидно товарищ, бросивший производство и отдавшийся письму, рассчитывал на силу вдохновения.

Сяду, мол, на спокойе и лира моя запоет.

Так ли это? Правы ли они? Неправы. Мало иметь «сренье» к письму, нужно иметь еще большее рвение к учебе, без которой если и есть способности — они пропадут.

Александр Кондаков

ЛЕГКИЙ ЗАРАБОТОК

Что побуждает товарищей бросить производство и отдаться письму, будучи сильно неграмотными? Ответ короток: мечта получения заработка легким трудом. Только так можно расценивать поступок товарищей, пожелавших стать писателями и лишивших себя той школы жизни, какою является производство.

Борис Ярасов (г. Усть-Сысольск)

Как нужно поступать

НАДО признаться, что количество пишущих у нас здорово разбухло. Каждый город, каждое местечко имеют не один десяток своих поэтов, рифмоплетствующих на местную злобу дня. Очень часто пишущие по своему образованию и умственному кругозору значительно ниже среднего уровня нашей молодежи.

Наш кишиневский рынок сильно засорен; с этим необходимо бороться, ибо десятки суррогатов становятся преградой к выбору хорошей полезной книги, отнимают массу драгоценного времени.

Все эти факты меня убеждают только в одном: необходимо очень строго и разборчиво подходить к печатанию «первых шагов». Нельзя в литературе заниматься производством брака.

М. Миженя (г. Коростень)

НЕТ, ТАК ПОСТУПАТЬ НЕ НУЖНО!

Все читатели, откликнувшиеся на статью „Нужно ли так поступать?“ (№ 12 „Смены“), сошлись на одном: нет, так поступать, как сделала поэтесса из Ташкента, бросившая производство и „отдавшая письмо“ — не нужно. Тогда как же единодушно было отвергнуто читателями предложение о создании специального журнала, в котором печатались бы произведения начинающих писателей и поэтов.

Редакция кончат дискуссии помещением статьи М. Горького „О начинающих писателях“. В более полном виде эту статью можно прочитать в „Известиях ЦИК“ от 16 сентября.

О НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЯХ

НЕДАВНО в журнале «Ч и П» сообщено, что у нас «по самым скромным подсчетам людей, именующих себя писателями, 15 тысяч человек». Разумеется, это не очень много для страны с населением в 150 миллионов, но нельзя не сказать вместе с автором сообщения тов. Бельским:

«Лучше помешать, да получить». Усердно наблюдая за работой этой массы потребителей бумаги и чернил, я с великим сожалением должен признать, что основными качествами большинства их являются два: малая грамотность и великое самонадеяние. Вот несколько иллюстраций грамотности, беру их по одной из различных книг:

«Вавилонская башня, в которой смешались языки».

«Отец умер, когда ему было девять лет».

«Она ему нравилась с головы до конца как ножка», — если она не инвалид, так у ее ножки два «кончика».

«Он отказал рабочему, у которого умирал ребенок «на незначительном авансе».

Знание русского языка у нас отчаянно плохо.

Молодые писатели ничего, кроме газет, не читают и, оглушенные сухим треском языка статей газетных, совершенно не слышат звуковых капризов языка живой речи.

Социальная их малограмотность кажется еще ниже литературной. Истории литературы они не знают, классиков читают мало, действительно изучается ими по газетам и как-будто лишь для того, чтоб выудить из газетной статьи тему для стихов «на злобу дня».

Довольно часто спрашивают: «Неужели для писателя необходимо иметь дарование или талант?» Или — так:

«Что же должен делать каждый писатель, чтобы дойти до конечного оформления? Неужели нужно изучать математику, астрономию и еще нечто в этом роде?»

Записки, которые подавались мне на собраниях в разных городах, делаются на два группы. В одной преобладают интерес, так сказать, ремесленного, «ехового» характера; явлениям быта на редакторов, на соседствующие литературные группы, на недостатки в «советской общественности» внимания к молодой литературе.

Записки второй группы гораздо интереснее, в них преобладают вопросы о литературной технике:

«У кого из классиков следует учиться рабсельковцам?» «Как надо писать: длинными или короткими фразами?» «Как стать хорошим и верным писателем?» «Что бы вы предприняли для улучшения работы селькоров?» «Верите ли вы, что из рабселькоров могут выйти художе-

ственные писатели?» «Не гонится ли писатели за новыми формами в ущерб интересам масс, читателей?» «Напишите книгу о том, как надо писать?»

Сопоставляя эти две группы записок, я получаю вывод неожиданный, даже как-будто парадоксальный: записки рабселькоров внутренне культурнее, а по интересам — шире, чем записки людей, которые, очевидно, уже считают себя чеховыми литературного цеха».

Люди этого «чехового порядка» обладают кроме злости социальных интересов непомерно высоким самонадеянием и болезненно повышенной чувствительностью художесных барышень. Написав маленький рассказ или напечатав два-три прилично рифмованных стихика, они уже проголодают о своем творчестве, и если редактор отказывается печатать «творчество», истерически жалуются: «И я ушел, ушел как побитый пёс, опаренный кипятком».

Пес плохо выдуман. Если его побьют, он не уйдет, а убежит, не ожидая, когда его еще и опарят; если же его опарили, он тоже не станет ждать, когда его еще и побьют. Другой юноша, тоже увлеченный наивным редактором, кричит: «Я звал о человеческом подходе отнюдь не ко мне, а к своей вещи, которую я писал кровью. Вот и толкуйте, А. М., о качестве социального человека. Какой же это, к черту, социализм».

Указав одному писателю, что журналов у нас мало и редакторы перегружены сотнями рукописей, не успевают их читать, я получил такой ответ: «Этот меня не касается. Их посадили на работу и они должны работать, а не доводить людей до мысли о самоубийстве». Самоубийством угрожал довольно часто. Редакторы в изображении начинающих писателей — ехиднейшие люди и жесточайшие ненавистники литературы.

Очень заметно, что стремление к знанию слабо развито в среде начинающих писателей. Читают они мало. Поэты нахально извиняются, прозу, прозаики не читают стихов, но те и другие одинаково торопятся писать малотолковые рецензии друг о друге. Указание на необходимость изучать историю культуры встречает зазорные отклики: «Этот нам не нужно, мы строим свою» или: «У нас есть своя», — точно им предлагают чужую корову доить.

Интерес к действительности у начинающих писателей явно понижен, умение наблюдать развито слабо. Люди вообще и всегда несколько торопятся сделать «конечный вывод»; этот недостаток особенно свойствен молодежи. Торопливость понуждает отмечать факты количественно преобладающие, а у нас пока

еще преобладают — как везде в мире — факты отрицательного характера. Разумеется, необходима борьба против этих фактов, необходимо беспощадное освещение их. Это могла бы сделать сатира, но среди наших поэтов и прозаиков сатирика отсутствуют, — признак, что у наших писателей нет пафоса ненависти к «преобладающим» фактам.

Затем: в нашей действительности настолько необходимо отметить, освещать, изображать все то, качественно важное, новое «положительное», что в ней неуклонно растет. Это новое плохо чувствуется начинающими писателями очевидно потому, что они не знают старого и гораздо усерднее приспосабливаются к словам, вместо того чтоб учиться подметать новое в делах — в драматической борьбе прошлого и настоящего с настоящим, возникающим к жизни. Они поднимают быт новое, если б следовало разбить науки и за жизнью рабочих, которые ведь не только воздух дышат, а действительно героичны, в условиях сказочно трудных, строят свое государство. Когда читаешь стихи современных поэтов, — эти стихи поражают обилием холодной, бросовской риторички или маловольной «революционной лирики», но в них совершенно отсутствует жанр, факт, отсутствует действующий человек. А ведь пора понять, что наш мир создан не словом, а деянием, трудом.

Все это сказано для того, чтоб возбудить внимание к жизни многотысячной армии начинающих писателей. Само собою разумеется, что я далеко от оглушающих обилием в малограмотности всей этой массы. Я хорошо знаю, что, несмотря на обилие людей малограмотных и некультурных, среди начинающих писателей есть много даровитых, искренно желающих учиться. Есть среди них и крупные таланты. Но всем им необходимо учиться технике дела, в подавляющем большинстве они технически безоружны, и это неизбежно погубит многих из них, не даст развиваться их дарованиям со всею красотой и силой. Для них необходимо организовать курсы литературной техники. Рабселькоров тоже следует привлечь на эти курсы, что будет взаимно полезно для обеих групп. Полагаю, что нет необходимости доказывать какую-либо пользу такого соединения. На курсах должно читать лекции по русскому литературному языку в связи с т. н. «народным» языком и лекции по истории русской литературы в связи с историей литературы западной. Никаких, «теоретических» и прочих премудростей не нужно, а нужно дать ясное представление о работе, — это всего лучше достигается не философией, а фактами.

Такие курсы несомненно привлекут лишь ту часть молодежи рабселькоров, которая действительно и серьезно хочет учиться, а все те, кто смотрит на литературный как на якобы легкий заработок и как на возможность «высочить в люди», все эти «цыплята» отойдут прочь. И вот тогда Союз Советов будет иметь литераторов «поменьше», но «получше».

М. Горький

Условия конкурса на лучший рассказ и очерк читайте в следующем №-ре.

В дебрях

Приморья

От Советской гавани
до Хабаровска

(ПРОДОЛЖЕНИЕ) 1

Недровик на притоках реки Мухень

ВОСЕМНАДЦАТЬ суток продержало нас наводнение на Канде.

19-го августа в полдень прибыли на конец орочи, посланные на Амур. Как и надо было ожидать, наводнение захватило их в низовьях Аноя. Они ночевали на прибрежной гальке, когда пришла большая вода. Один из них (Геонка) проснулся от шума, который производило большое дерево, плывшее по реке. Оно задело лодку и потопило ее с собою. Геонка бросился в воду и ухватился за ульмагуду² руками. Опоздай он только на несколько секунд, и оба они погибли бы наверняка. С величайшим трудом орочи пробрались вверх против течения, где лесом, где вновь образовавшимися протоками и, пока подымались до Канде, с'ели все, что купили в Торгоне на Аное. Они прибыли к нам измученные, голодные и вымокшие до последней нитки. Надо было дать им отдохнуть. Теперь в состав экспедиционного отряда вошли еще два удальца — Миюнку Кимунка и Гебули из рода Кыюндига.

Рискованная планва

21-го числа мы распрощались с Инси Амуденка и поплыли вниз по Аною. Вследствие быстроты течения надо было внимательно смотреть вперед и, поощие, быть чрезвычайно осмотрительным, в особенности на поворотах. То мы спускались вниз по воде, то сворачивали в какую-нибудь узкую протоку и шли по лесу, чтобы пересечь другую такую же протоку и выйти снова на Аною в наиболее безопасном месте. Иногда шести не доставали дна, а весла были бесполезны. Орочи в таких случаях вонзали остроги в стволы деревьев и подтягивались на руках, рискуя каждый раз упасть навзничь и опрокинуть лодку, что несомненно было бы гибелью для всех пасажиров.

По пути мы встречали медведей. Один раз вверх только что переплыл через реку и по круче взбирался на берег. Нас пронесло мимо него. Я видел только голову и спину животного, выступавшие из воды. Орочи стреляли и ранили медведя, но остановились и выйти на берег для преследования его было невозможно. Другой раз из соседней протоки совершенно неожиданно, водой вынесло большое дерево. На нем были медведица с медвежонком. Замедив людей, она бросилась впасть и вместе со своим детенышем благополучно выбралась на берег и скрылась в лесу.

Страшные разрушения произвела вода в долине Аноя. Все туземцы бежали от

нее к устью реки. Там, где раньше стояли их юрты, течением нанесло большие завалы бурелома.

Около Хонко мы задержались. Здесь я сделала попытку пробраться на р. Пиху напрямую через горы. Мы оставили лодки и пешком направились по тайге, пересекли р. Чу и вышли на другую реку Моди.

Лесные великаны

В этих местах произрастают громадные первобытные леса, которых еще никогда не касалась рука человека и где ни разу еще не было пожаров. Высокие стволы пробкового дерева, китайского ясеня, корейского кедра, маньчжурского ореха и горного ильма, словно гигантская колоннада, уходили вдаль на неограниченное пространство. Здесь даже три, называемые русскими красным деревом, и дуб монгольский, имели вид строевых деревьев в два обхвата на высоте груди. Эти лесные великаны насчитывались много веков, приближавшие их к тысячелетию. Такой девственный лес простирается и дальше через верховья р.р. Пиху, Мухени и Немту и населен людьми множеством зверей: тигры, рыси, медведи, красные волки, лисы, куницы, хорьки, соболя, рассомахи, выдры, барсуки, изюбры и дикие козули, обычные представители хищных и копытных животных. Совершенно свежие следы их

встречались постоянно, но вследствие густых зарослей самих животных трудно было увидеть.

Мы шли целиной с тяжелыми ношами и сильно уставали. После затяжных дождей хорошая погода, повидимому, установилась и теплые солнечные дни длинной чередой потекли друг за другом.

Сверху лес должен был казаться беспредельным зеленым морем, по дну которого шли восемь человек с котомками за плечами. Там, где солнечный свет проникал к земле, он умножал бурые заросли колючего чубышника, акации, таволжника и гигантских папоротников. На стволах деревьев и по кустарникам повисли лианы, длинные петли винограда и лимонника с оранжево-красною, пожелтевшею и белесовато-розовою листвою, образующую непроницаемую для глаза завесу, за которой скрывались крупные и мелкие животные.

Было, как то особенно трудно. Время от времени мы садились на землю и отдыхали, не снимая с себя котомок. Солнце перешло уже за полдень. В этот злойный час все живое попяталось и погружалось как бы в дремотное состояние, только кошки проявляли особенную злобизовность: они лезли в рот, уши и слепили глаза. Мы сидели тихо и вытирали тряпичками пот с лица и шеи. Было не до разговоров... Вдруг впереди раздался хруст сухой ветки. Мы шаркнулись в сторону и потянулись за ружьями. Громадный тигр сильно напугал нас и испугался сам. Он бросился в сторону и прыжками пошел по лесу. Самыми было, как он задел какое-то сухостойное дерево, и оно с шумом упало на землю. Сундай Геонка ходил на разведку и вернулся, сообщив, что тигр не знал о нашем присутствии и случайно вышел на встречу. Это обстоятельство заставило нас быть осторожнее и не доверяться предательской тишине леса.

25 августа мы распрощались с р. Моди и по протоке Дирен вышли к оз. Гаси. Встречный ветер и большая вода замедлили наше плавание, но все же 27 числа мы вышли в устье р. Пиху. Выступившая из берегов вода сплошь залила прилегающие к ней болота. Это дало нам возможность ехать на лодке целиной, минуя извилины реки и в значительной мере сокращая расстояния.

Затем мы вступили в горы, покрытые таким же богатым лесом, как и на р. Моди. Дня через четыре экспедиция достигла водопада Сагена.

Водопад Сагена представляет собой подземную речку, выходящую на поверхность земли множеством струй. Красноватые скалы, зеленая растительность, кристалически чистая вода, белая

Водопад Сагена на р. Пихе

1 См. "Смену" №М 15, 16, 17 и 18.

2 Довольная лодка.

пена и радужная игра волной пыши в лучах солнца создают необычайно эффектную картину. После короткого отдыха мы пошли через перекаты на р. Хор, где нас ожидала база, устроенная уджейцами. Была уже осень: лист с деревьев осыпался на землю, приближались холода и по утрам начинались заморозки, а путь был еще длинный. Мы имели на себе только летние одежды и не рассчитывали на осень. Кроме того, надо было туземцев доставить на пароходах в советскую гавань, пока не закончилось навигация. Это обстоятельство заставило меня торопиться.

Логовище тигров

6 сентября мы стали подниматься на высокий водораздел между Хором и рекой Мухенем, впадающей в оз. Синда.

Между этими двумя речками гребень горного отрога увенчан целым рядом скал, имеющих фантастические очертания. Местное туземное население считает их недостигаемыми и наделяет злыми духами. Как появились они? Только юрт мог выдвинуть их из земли. Это «Амба чжугдэни» (юртовая жилище). Другие называют их «Каказаму чжугдэни» (Каказаму — страшный трехпалый горный дух) или «Кутыама чжугдэни» — тигрово логовище. Где бы эти страшные звери ни ходили, они всегда возвращаются к скалам. Здесь в расщелинах тигры имеют свои джунгли, где и выводит тиграт. Туземцы рассказывают, что только один раз какой-то голай охотник достиг скал. Когда он имой подходил к ним, то увидел сидящего на камне черного человека. Голай окликнул его. Человек вскочил, побежал и тут же скрылся в расщелинах камней. Кому же это и быть, как не чорт? В лунные ночи там носятся дьявольские тени, слышны скрепяны, свист, хохот и вой. Вскокого, кто посетит скалы Мёка, ожидает потом

какое-нибудь несчастье или болезни. Все эти рассказы разогнали мое любопытство.

Когда я заявил сопровождающим нас туземцам о своем намерении они взволновались, и четверо из них настойчиво отказались идти. «Отцы наши не ходили туда», — говорили они, — мы не ходили и дети наши не пойдут».

Весь вечер уджейцы рассказывали друг другу разные страхи. Скалы вселяли в них какой-то непреодолимый ужас. Все же мне удалось двух человек, Хутунка и Геонка, убедить, что в камнях ничего страшного нет. Но и эти люди неоднократно спрашивали — не боюсь ли я сам, не будет ли потом всем нам худо, и по выражению глаз старались угадать о моих душевных построениях.

На другой день мы отправились в путь. В одном туземцы оказались правы. Добираться до скал оказалось, действительно, очень трудно. С южной стороны горный хребет был покрыт большими осипками, состоящими из громадных глыб, заваленных буреломом, опутанных виноградом и лианами. Кочевые арены и элзутерококку изорвали нашу одежду. Мы изранили руки и в колени набрали множество заноз. Каменные ловушки, закрытые растительностью, и колючки, наваленные в беспорядке, создавали препятствия чуть ли не на каждом шагу. Это понизило настроение туземцев.

Несколько раз Геонка порывался стрелять в воздух, чтобы унять от скал «черного человека» и предупредить его о том, что идет люди. Невмало труда стоило успокоить его и убедить, чтобы он не тратил зря патронов.

Я стал подучивать над чортом и проинизировать по его адресу. Тогда Хутунка серьезно просил меня так не выражаться. «Ходи, ходи — говорил он, — как будет,

Вынигание лодки на р. Мешице

так и ладно, а ругаться не надо». Пришлось уступить.

Часам к четырем пополудни мы подошли к скалам. Величественное зрелище представилось моим глазам. Семь гранитных шток вертикально вверх. Они действительно, имели причудливые формы: один из них был похож на горбатого человека, опирающегося рукой на голову какого-то фантастического животного, другой — на старуху, одетую в длинную мантию, третий — на гигантскую жабу, четвертый — на нож, вбитый черепком в землю, и т. д. Когда мы приближались к ним, какой-то большой зверь бросился в сторону, а затем мы увидели медведя, который тоже пустился наутек.

Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих камнях, принимавших странные очертания. Многие века прошли мимо, а скалы и поныне стоят незлыемо, как бы окутанные копкой.

(Окончание следует)

НА ДНЯХ ВЫХОДИТ ПЕРВЫЙ НОМЕР
ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ

НА СУШЕ и НА МОРЕ

(приложение к журналу «СМЕНА»)

В НОМЕРЕ ПОМЕЩЕНЫ РАССКАЗЫ:

ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ МЫСЛИ фантастический рассказ
А. НИКУЛИНА.

ДРАМА ВО ЛЬДАХ рассказ ЭДЛИС СЭРГРЭВА.

ДАР ЛУНЫ научно-фантастический
рассказ А. БЕЛЛЕБА.

НАВОДНЕНИЕ рассказ А. СОМЕРНАЛА.

СОКРОВИЩА МОРЕЯ очерк с
иллюстрациями.

ТАЙНА БЕЛЫХ ГОР Атлантида —
Мексика — Бразилия.

ХРОНИКА СПОРТА **ФОТО-СМЕСЬ** Ю МОР ЗАДАЧИ

Журнал биато иллюстрирован

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В ДВЕ КРАСКИ

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СМЕНИ» пробный номер высылается за 10 коп. марками. С 1929 года «На суше и на море» будет выходить двухнедельным приложением к «Смене». Следите за подписными объявлениями «Смены».

Цена номера в розничной продаже — 15 коп.

На скалах Мёка — В. И. Арсеньев и орох Хутунка. Внизу расщелина с «тигровым логовищем».

ИГРА В ЛЮБОВЬ

Иллюстрации

А. ДЕЙНЕКА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Содержание предыдущего. Комсомолец Саламасов сделал важное открытие в области фарфоро-фаянсового дела. Группа злоумышленников пытается продать изобретение от своего имени председателю треста Тележникову. Для обмана Тележникова группа подсылает к нему девушку, выдающую себя за работницу Ненюкову. Настоящая же Ненюкова интересуется лишь нардами и отношением к ней служащего Саламасова, через которого и используют злоумышленники Ненюкову. Изобретатель Саламасов не знает об интриге вокруг его изобретения. В общежитии, где живет Ненюкова, приходит сотрудница газеты для выяснения отношений Тележникова к Ненюковой.

Комendantша всплеснула руками.

— Без усов, без бороды, на щеке родинка и одна бровь как бы выше другой?

— Ну, ну?

— Голос тонкий, нрав деркий, да?

— Ну, ну?

— Был, — заключила комендантша, — был. Со мной воевал тут — страсть! Ее спрашивал, я показала, и был у нее не долго, а только с той поры дома она, почитай, не бывает, в шелка разоделась, как барыня. Удивительно, что еще на работу ходит...

— В шелка? — переспросила гостья.

— В шелка, красавица, в шелка. Барыня стала. Одел он ее, обул...

— Ай да Тележников! — усмехнулась женщина, и торопливо заметался ее карандашник по блокноту, — ну, да ладно. Выведем мы его на свежую воду.

— Сгубил девуку, что зря говоришь, — продолжала комендантша, — сгубил. Польстилась она на шелковую юбку — связалась с ним. А был у нее тут парень хороший, конторщик наш. Ну, и отказался, видать, от нее. Кому такая нужна? Парень-то жениться собирался...

Когда гостья поднялась уходить, комендантша осторожно осведомилась — предстоит ли ей свидетельствовать на суде?

— Ничего подобного, — отвечала гостья, — никто тебя не тронет.

Гостья справилась в коридоре, как ей пройти к девушке Ненюковой.

В комнате, значившейся под цифрой «24», она застала только одну девушку.

— Что у Ненюковой он часто бывает?

— Кто? — лениво справилась Нелли.

— Тележников.

— Не видала, не знаю.

— Кто-нибудь за ней топает, кроме?

— Не знаю.

— А где остальные? Вас сколько здесь? Четыре, да?

Гостья достала из портфеля блокнот и карандаш, уселась возле постели и стала расспрашивать:

— В библиотеке бываете?

— Нет.

— В клуб ходите?

— Чего я там не видела?

— Лекции посещаете?

— Не интересуюсь.

— В театре, кино?

— Как-то была зимой.

— Лет?

— Двадцать три.

— Где работаете?

Торопливо заметался карандашник по блокноту

— Сортировка склада.

Анкета была исчерпана.

— Чем питаются у вас упадочнические настроения?

Нелли взглянула на нее и молча закрыла глаза.

— Вам, собственно, что нужно?

Гостья смущалась.

— Собственно, говоря, разумеется...

— Они раньше ночи не придут.

Нелли спокойно подняла подушку, и заснула под нее голову.

Сотрудница стенгаза списала со списка обитателей комнаты имена и фамилии четырех подруг и вышла с чувством исполненного долга.

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ?

ПРАВЛЕНИЕ ЮФТА в Москве помещалось в одном из огромных новых домов, выходящих лицом к стене Китай-города.

Еще только бросая на огромный письменный стол свои потфел, Петр Нилович кричал:

— Ну, давай, Николай Семенович, давай!

И пока еще только он усаживался в покойное кресло, уже стоял у порога управляющий делами и, улыбаясь, докладывал:

— Есть парочка срочных. Начнем с них, Петр Нилович.

— Давай, давай.

И длинный, напленный трескотней телефонных звонков и служебной болтовней, день начинался.

Разноцветные палки с делами мелькали перед глазами председателя треста. Петр Нилыч ставил свои подписи, писал распоряжения и огромное ЮФТовское хозяйство от Москвы до Сунска, от глиняных колеи до главного склада, все лежало перед ним живым, громыхающим чудищем, реющим о своих нуждах, трубящим о своих достижениях и требующим железной хозяйской руки.

Петр Нилыч почувствовал все это на первый же день, как только вернулся из отпуска.

На шестой день по приезде Тележникова из отпуска управдел треста заметил председателю.

— Закончить бы с этой каолинизацией, Петр Нилыч! Все сделано, как вы вчера наказали.

— А Габбе здесь? — осведомился он.

— Изобретатель? Ждет с утра.

— Бумаги?

— В порядке.

— Договор?

— Можно подписать.

Петр Нилыч просмотрел содержимое синей папки и спросил:

— А резолюция начальника химического отдела?

— Есть заключение отдела решительное и благоприятное.

Петр Нилыч подумал, потом распрямился:

— Вы ко мне Шумейку.

Управдел перепал распоряжение курьеру и вернулся.

— Он обещал запросить лабораторию, — напомнил Петр Нилыч.

— Запросили.

— Ответ?

— Говорит, что вообще все это можно провести и никакого особенно-го переоборудования не понадобится.

Шумейко вошел, взглянул на раскрытую синюю папку, лежавшую на столе перед председателем треста, и сел.

— Дело серьезное, Петр Нилыч!

— Я думаю. Иначе с чего бы поднимать шум, спешку и людей? — сурово заметил Тележников. — В деле нет вашей резолюции.

— Есть заключение отдела. Это довольно.

— Говорите, что вы сами обо всем этом думаете?

— Осторожность никогда не портит дела, Петр Нилыч. Я все это, — ткнул пальцем в папку, — внимательно изучил. Мысль — изумительная. Способы, предлагаемые изобретателем, умные. Это смело, но научно обосновано. Теоретически успех гарантирован чуть не на девяносто процентов... Одного я не могу допустить...

Он замаялся.

— Ну, ну?

— Не могу поверить, что это все принадлежит какому-то самоучке-рабочему... Нормально тут все в порядке, можно договор подписать...

Тележников привстал и возмущенно сказал:

— А я не боюсь их. Это свой брат! Это — хозяин дела. Он знает цену копейки! Извините, что я горячусь, но об этом нельзя в белых перчатках разговаривать. Я подписываю договор. Зовите сюда Габбе.

В дверях Шумейко пропустил управдела, приглашавшего изобретателя войти в кабинет. Человек этот вовсе не был похож на рабочего, напоминающая собою американского мастера.

Петр Нилыч пожал руку Габбе и подал ему экземпляр договора:

— Вот, прочтите. У меня все готово... Согласитесь, — пошутил он, — что и немцы не могли бы быть аккуратнее...

Габбе взял договор и сказал коротко:

— Немцы предлагали так: получить деньги и после все остальное. У нас наоборот, — сначала договор и после все остальное...

— Нет одновременно и то и другое, — прервал его Тележников, — как только будет подписан договор, вы получаете ордер в кассу...

После прочтения текста договора Габбе подписал договор. Петр Нилыч также поставил свою подпись.

— Кончено! — сказал Петр Нилыч, вытягивая из-под бумаг ордер. — За право использования вашего изобретения, мы вам уплачиваем сейчас пять

Габбе несколько шагов простоя и вышел. Тележников задумчиво пробормотал:

— А он не очень приятен, этот Габбе, а?

Управделами кивнул головой.

— Да. Жадно как-то схватил ордер.

— Наголодались... Жена умирает...

— Да, конечно... Дальше, Петр Нилыч, касательно ревизии Сунского завода. Показать вам материал?

— Давай...

Управделами выбежал из кабинета, но тотчас возвратился назад.

— Какая-то Ненокоса, работница.

Личное дело. Можно?

спросил он.

— Ну да, зови скорее.

Петр Нилыч торопливо поднялся навстречу неожиданной гостье. Он пожимал ее руки, волнуясь и спрашивая беспокойно:

— Катя, ты? Какими судьбами... Ведь, ничего не случилось, да?

— Да ничего, конечно, — улыбнулась она. Тень забот не успели даже сбежать с ее лица.

— Ну вот, отлично. С Габбе мы кончили. Он только что ушел...

— Да, я встретила его: он получил деньги и ушел обрадовать жену... а я...

Петр Нилыч взглянул на нее с испугом.

— Что ты?

— Я бы хотела прийти, пока еще ничего не было кончено.

— Почему?

— Ты понимаешь? Я познатила тебя с ним, я втянула тебя в это дело... А вдруг...

— Что вдруг?

— Вдруг, что-нибудь такое... Ты обивайши меня... Нет, я не пережидать бы этого!

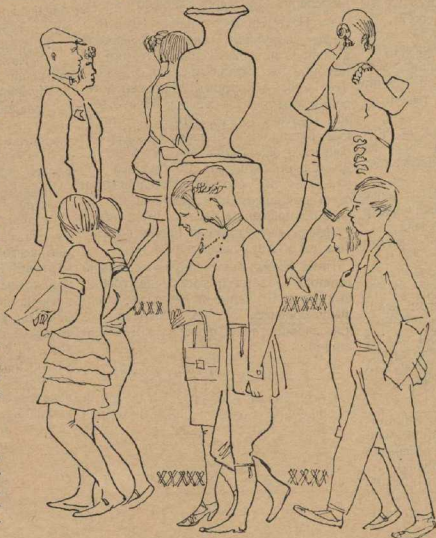
Петр Нилыч рассмеялся и воскликнул.

— Катя! Ты воплощенная честность! Пустое... Ты за этим и шла сюда?

— Да. Я хотела еще раз предупредить тебя: помни о своей ответственности...

Начальник химического отдела не вошел, а буквально ворвался в кабинет председателя треста, не обращая никакого внимания на то, что Петр Нилыч был не один.

— Петр Нилыч, что же вы подняли такой шум давеча? Ведь он, оказывается...

Парни и девушки шпилься по бульвару взад и вперед

тысяч. Если мы воспользуемся изобретением не только для лабораторных опытов, но и в широком масштабе, то мы обяжем вас привлечь к ответственному руководству... Мы это оговариваем особым письмом на валие ния... Вообще же, — подавая Габбе ордер, заключил он, — прошу вас в случае нужды обращаться ко мне.

— Благодарю, — равнодушно ответил тот и оживился, получив из рук Тележникова ордер, — скажите, а получить это где?

— Касса внизу. Торопитесь — она открыта до часу, — сказал управделами. Я уже предупредил кассира...

— Кто это он? — сухо спросил Петр Нилыч.

Только тогда инженер обратил внимание на собеседника главы учреждения. Он несколько смутился.

— Извините, — заборютал он, — но тут такая новость, что я прямо расстроился...

— Какая новость?

Шумейко покосился на девушку. Она отошла к дивану и села осторожно на краешек. Тогда Шумейко обратился к Тележникову:

— Ну вот, ведь, оказывается этот изобретатель — молодой ученый, дипломат Политехникума, работает у нас лаборантом все лето... Что же вы толковали о каком-то самоучке?

— Кто это вам наболтал? — спокойно сказал Петр Нилыч и улыбнулся своей гостье, слегка обернувшись в ее сторону, — какая чепуха! Я лично знаю Габбе и знаю кто он такой.

Шумейко растерялся.

— Какой Габбе? — сказал он, волнуясь, — разве о Габбе речь. Зав. лабораторией мне пишет о Саломасове, а не о Габбе.

— Саломасов может быть даже профессором, — сухо отвечал Петр Нилыч, — но это не меняет дела...

— Но ведь мы говорим об открытии Саломасова!

— Не знаю, о ком и о чем вы говорите, — уже резко перебил Петр Нилыч, — но я говорю о том человеке, с которым мы заключали договор...

Шумейко сжал кулак, смяв вместе с тем и бумагу, и ударил им по столу.

— Так значит ваш Габбе украл это открытие у нашего лаборанта и больше ничего!

— Товарищ Шумейко! — крикнул Тележников. — Потрудитесь документальнейше и точнее расследовать все это дело лично и в двадцать четыре часа. Тогда доложите мне и не щадите виновных! — предупреждая вас!

Шумейко выскочил из кабинета.

— Ты видишь, Катя, как у нас...

Петр Нилыч направился к своей гостье. Она безмолвно поднялась с места. Губы ее были белы. Он схватил ее за руку, она вырвала ее тотчас же.

— Катя, Катя... Погоди же. Она остановилась в дверях на одну минуту и выговорила едва слышно:

— Если это правда... Прощай!

СТРАННОЕ САМОУЧЕСТВО

Это снова было похоже на бегство. Петр Нилыч с уди-

влением присматривался к самому себе. Он никогда не предполагал, чтобы женщина могла бы занять такое огромное место в его жизни.

Через день управделами доложил Петру Нилычу:

— Шумейко два уже раза просил принять его.

Петр Нилыч потянулся к пачке газет, лежавших на углу стола.

— Позови, — коротко распорядился он и развернул лежавшую сверху «Экономическую Жизнь».

Шумейко переступил порог кабинета. Петр Нилыч ответил на поклон инженеру и развернул новую газету.

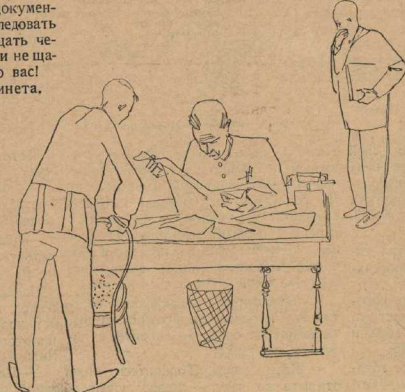
— Петр Нилыч, — начал Шумейко, — вы поручили мне расследовать странную историю с изобретением, за которое мы выдали премию. Я узнал, что Габбе, с которым заключен договор и которому обещана ответственная работа в тресте, есть не кто иной, как племянник бывших владельцев

Сунского завода братьев Бургвинцев... Докладная записка Саломасова об открытом им способе каолинизации была выкрадена из переписки по дороге в правление, затем была представлена уже от имени Габбе, с которыми вы и заключили договор...

Петр Нилыч перевернул последнюю страницу газеты и тогда не только ему, но и Шумейке и Николаю Семеновичу бросился в глаза аншлаг, покрывавший полстраницы заметок и статей.

— Н ОТВЕТУ УБИЙЦ КАТИ НЕМОУЗОВОЙ!

Петр Нилыч застыл над газетой в совершенном окаменении. Управде-

Петр Нилыч развернул газету

ли пододвинули к газете и тогда подзаголовки стали ему видными.

— Это одно самоубийство! Новая жертва упаднических настроений.
— Председатель треста и работница.
Жизнь за юбу.
Н ОТВЕТУ ГОСПОД ТЕЛЕНИКОВЫХ!!!

Петр Нилыч махнул рукою с вытянутым указательным пальцем на Шумейко.

— Он ее убил.

Управделами перевел изумленный взгляд на инженера. Петр Нилыч вдруг вздрогнул и вышел из кабинета. Шумейко пожал плечами.

— Эй богу никого не убивал, — брезгливо пробормотал он и пододвинул к себе газету.

Управделами бормотал.

— Какая это Немукова? знакомая фамилия... Я ее слышал... Где, когда?

Шумейко читал:

«Упаднические настроения еще продолжают владеть частью нашей молодежи. Вчера, поздно ночью, в общегитити южного фарфоро-фаянсового треста упаковщика главного склада Катя Немукова приняла большую дозу цианистого кали...»

Что побуждало ее к этому? Мы произвели самое тщательное обследование всего происшедшего. Печальная картина! Из четверых, живущих в одной комнате девушек, ни одна не вовлечена в общественную работу, ни одна не участвует активно в строительстве социализма...

Нынешним летом, находясь в доме отдыха, Катя познакомилась с председателем ЮФФТА Тележниковым, который, от нечего делать, увлек девушку и на прощание подарил ей отрез шелка на костюм...

Узнав об этом, женных девушек, хороший честный парень, конторщик склада, отказался от девушки, брошенной ловеласом Тележниковым. Все это привело к несчастной чужой мысли. В роковой вечер Катя отправилась к Тележникову...

Шумейко подумал:

— Какая мерзость...

Потом он отстранил газету, оглянулся на управделами.

— Ну, что, вспомнили?

— Да, это та самая, которая вчера приходила, помните, беленькая такая, хорошенькая...

Шумейко пожал плечами и взял свой портфель.

— Позовите мне, когда можно будет говорить с ним, прошу вас.

(Продолжение следует)

